

Василий Б
О
Р
О
Д
И
Н

Р. S. Москва — город-жираф

Стихи

2

0

0

5-2011 гг.

Фонд Бр	Pol	uton	a.ru	жения
2	оу	новского дви	11	
	0			

I

кто идёт по следу неба?

я иду

а куда я попаду?

а куда я попаду?

кто летит путём земли?

я лечу

я лечу

а чего ты хочешь?

ничего я не хочу

я иду

по следу неба

я лечу

разбитые сердца сбивались в стаи
и шли
ой что бы стало что бы с нами стало
если б мы встретились у них на пути у них на пути

они бы
наши
сердца подбили
они бы наши
сердца
разбили

и повели с собою
в свой поход

святой поход

в свой
святой
поход

на зЕмли неба

проверим
как работает
зерно
оно само себе и хлеб и солнце

проверим
как работа-
ет до-
рога

она сама себе
и дверь

и

свет

СТИХИ О СОВЕТСКОМ ЦИРКЕ

воздушно-капельным путём
ресниц улов ли век улов
изнанку гладит тянет тень
как чудо-лучики от слов

на циферблате цирковом
педальки -- ноги достают
едва, но ставят на канат
и подмигнув спине поют

что не подхватишь не продашь
канат уже над пустырём
и над болотом-волдырём
ли валуном-монастырём

летит из сточенных зубов
слюнной вальсок словарный вар
и вьют подхвачены трубой
канат -- другой -- лучи-слова

и ты влезаешь по нему
где всё не весит ничего
под веки вечные всему
под веки вечные всего

на скорости волн
летающий ответ
как отблески волн
летающий ответ

возьми меня тень
и солнце возьми
и вырвался день
и смотрит на миг

вспой меня спой
качай меня бей
я песня с тобой
я песня тебе

это мой узор
мёртвая вода
вот она стоит
вот моё лицо

я люблю тебя так что вода начинает сиять

корень весит на солнечной лаве
больше контура снится всему
и при нас были эти облавы
где никто приходил ни к кому

разворачивал сон на лопате
разлетались грачи ковыли
уносились на каменной вате
и содомом белели вдали

молод рук осенённых совидец
не по паперти едет лузга
с мёртвым сном ли горел ненавидел
-- ни фи́га ни фи́га ни фи́га

это лицо человека идущего по камням
у него всё впрок и зачем куда
раздвигаются руки реки текут в золотые тяжёлые невода
и в горах поднимается солнце

что там видно что ставить спектаклем что бить дождём
вот и голые груши мокнут и золотой бобиной
море скатывается дышит в глубоком сне
воздух по весне

как по площади -- как летит-идёт!
разным бьякам пишет в затылке: всё
подражает будущему несёт
голову назад

пишешь просишь теплишься -- никуда
а приходят волны смешной водой
попадаешь в раму где невода
дождь и солнце воздух седой-седой

дар трогать воду

что-нибудь столь же -- ранящее?
чужое
недостижимое в самой-самой близости
когда видишь и просишь
харон
не могу и завидую
перевези
а всё улыбается
всё
всё с тобой

оперетка
серафимы
дуют каторжный мотив
и гробницы сиротеют
хорошо тебе писать

хорошо тебе писать
хорошо тебе плясать
хорошо тебе не будет как придётся воскресать
что ответишь на вопрос
почему ты стал таким
здесь не шёл
здесь не останавливался
здесь не думал
здесь думал

господи скажу я совсем уже подлым голосом
и не смогу продолжить

стяг завьётся сор взовьётся свет ворвётся сердце взорвётся
время порвётся
всё остаётся

к раскрошенному печенью я
обращаюсь как другу
семьи, труда
оно как разрушенный древний город
смотрит на новые города
на стройках где каски оранжевы хлеб горяч
кефир из пакета бел
где голубь общего духа цел
и общей беды лебёдка поёт
над городом где живёт
моё бедное сердце
куда-то ритм
жанр
пепел и песок (и сухая глина)
стройки сворачиваются дома
окнами синими (всё большое)
это ли не страна
я пою пою
уитмен и патриот посмотрите всё умирает
но ведь не всё и спокойная тишина тихих улиц --
солнечная! послушайте
ничего страшного сейчас нет

это ловля знаков глаз
осыпающихся в нас
как в часах песочных
это знаю точно

и в музей рублёвский едет солнечный трамвай
или курит папиросу память-воробей
по глазам ударит ветром синим ветром рай
только это не убей это не убей

в видимостях как в грязи лист поднимешь жёлт
неприкаянно-сухой тихий золотой
посмотри как тяжело движется свежо
всё что сердцу тяжело выйди и постой:

на горящие кусты -- сплошь, как не просил
птицы скатывают дым жизненным крылом
может быть не хватит сил пусть не хватит сил
это солнце напролом солнце напролом

песок на свете, ельник
и порченые дни
слепа на понедельник
растут, как неба пни

к ветвям, к острожным ветром
ни птицей, ни узлом
размётанному свету
прильнёт небес парОм

и кроткое болит как
украденная впрок
у воздуха молитва
синичий кувырок

* * *

был скучным кощунником снег ловил
свободу любил
и свободу больше свободы

а вышел на улицу пробил час
увидел собаку и замолчал

а на каткином батике нарисовано бочка лежит на прекрасной
мокрой земле
небо лёгкое за ветвями

потом на снег золотой глядеть
ничем не помниться никому

* * *

осколок дыма
самый любимый

в кристаллических (времени) сколах
школа
бедной свободы почти сверх-любви

память живи
любви обнимай колени

кеды целуй
пока что-то в прихожей с цветом
старящихся (осенних) теней

...не до усидчивости
к ослушным
пеплу, ползущему на святые слова
и догорающему его сердцу случайно приходит жизнь

не самоочевидно, чудесно

Екатерине Завершиной

лампы накаливания -- очень стыдно
и горячо быть стеклом; вольфрам
ничего не стыдясь умирает первым
и позёмка тянется по дворам

и глядящим в окна в четыре часа ночи
вдруг приходит стыд равный площади поверхности земли
и секундная даже стрелка идти не хочет
и ничто отогнутую занавеску не шевелит

а в исторических хрониках были миниатюры
и золотая краска приводит на ум бесконечные солнечные поля
и квартиры заваленные литературой
идут идут новой счастливой дугой как идёт земля

* * *

с днём рожденья корни слов
и лазурь на синеве
в головах твоих ослов
складень бабочки в траве

и взлетая нао всем
отделяются слова
обращённые ко всем
как к лазури синева

* * *

мой колесом за ростом
сухих суставов лес
как дерево-подросток
пробился и исчез

и в камня неглубоких
и трещинах и сне
поётся как о Боге
о предстоящем мне

Юле Тишковской

гонятся за апостолами
злые какие-нибудь
ручьи
делаются серебряными
вечерами

утром такое золото
а потом

троньте жестокого или далёкого
согнутого в погибель
привыкшего думать -- гибель
уже была

я дотла-дотла

а мир чище и чище веселей
листья как нищие
счастливы

он какие-то зЕмли боже
ламп лоскут
и семейное сердце тоже
камни ткнут

у пошли на горЕ дружочек
исаак
ленты ветра в веночек-кружочек
и сова

одолели песок и чудом
родились
и никак не уйдём отсюда
(я люблю тебя, я не буду)
моя жизнь

иногда на границе
облаков и деревьев
появляются птицы
меж четвёртым и третьим
часом перед закатом
меж четвёртым и пятым
всё у птицы не значит
ничего кроме солнца
ветки голые скачут
ветви с листьями сохнут

и опять всё иначе

это стаи китая и через зарю
я тебе о тебе говорю

прыгнет цапля улыбки поднимет кольцо
как подзорные трубы -- лицо

ангел глобус и луч на витражном свинце
с самолётом лазури в конце

где бы сердцу гнездиться ни перевелось
облака с веерами насквозь
поднимаются флагами с лестниц бегут
золотыми стволами минут

это радуги в дугах бровей навсегда
теснота голосов в проводах

угадай мою сторону от головы
это солнце отмаливать рвы
не сбавляя усталости с хвойной корой
возвращается, едет домой

о золе и крыле
остальное
пыль усядется
радио
дом
пробегают волна и волною
коридор коридор

на предметах вытертых, тенью
опредмеченных вдохах --
вранье
одомашненное как растение
неземное
как сердце твоё

укороченный выдох
удача
рамы крыльев
с птенцами в золе
не угадывая и не плача --
первым воздухом
на земле

династия цыц
династия велосипедных спиц
с каннабисом или песенками о нём
с подлинным, не выгораживающим себя огнём

время всё зачеркнёт, зачеркнуло
не о чем говорить
всё до последней увиденной веточки гениально

II

* * *

горят и горят и гаснут и говорят
стремленье твоё прекрасно и все подряд

и хор ветровой вины зеленеет: ночь
и только они видны, кому не помочь

коммуна звезда из лампочек на ветру
поля дочернели в ласточку я не вру

и вдох ледяной спасение: подбери
упавшее сердце, северное, внутри

* * *

всё растёт из несказанных слов
я расту
всё растёт из несказанных слов
в чистоту
до-воздушную воздух растёт как коралл
и сияет как не умирал

здесь стояли деревья по форме его
зеленели сияли от несвоего
и летучего взгляда толкаясь росли
отрываясь почти от земли

кто-то корни как рвущихся глупых держал
обнимал и поил и на лавку сажал
и на воздуха слове сродни «отлегло»
загоралось пылинкой стекло

так плечами над шаром земным и крылом
над плечами парящим смешно и светло
всё растёт
из несказанных
слов

* * *

взгляд
сквозь утренний лён
зимы
внутренний клён
зимы

его осенний тающий ветер-лист
стихотворенье — лист
весть — лист

падает лист взлетает летит домой
этот — пустой
он мой

Полине Андрукович

ходит кошка по полёту птицы видит иногда как её не видит кто-то и
грустит как никогда

и тогда она выходит кошка ветреница друг и сидит и не уходит только
светится вокруг

Алексею Порвину

1

были печали
жалкие силачи
небо качали
небу кричали кричи
небо молчало
небо молчало "молчи"
мокли кирпичи

2

флот -- воздушный
улица -- чернил
и кораблик
форму изменил

дно осталось
крылья вознеслись
и расстались
или обнялись

по коронам
яблоки лучей
в паутине
листик ничей-ничей:

по прожилкам
катится роса
и ожившим
катят небеса

* * *

корни цветов в зверинце смотрит
утренний холодок
и у любого принца
на уме Бог

некий туман
некие солдаты
спИны
сена мешки в сукне
я не виновен — так каждый думает — не виноват и
тени штыков солнце вертит стене-стене

блики из золота ультрамарина и
вспышки веселья подушки спящих гуляк

снящееся старинное
дальний пушечный выстрел
стогА в полях

о берегах
солнцу на перемене
хор поёт улыбаясь
время стоит в углу
грустное и угрюмое --
ты не надо
всё в тебя вытянется струной
песенки поиграет одну к одной

вот как бы песенка:

у тебя утёнок
память о земле
как она рождалась
в огненной золе
у тебя в глазах лицо
нашего Творца
ты приходишь на крыльцо
нашего дворца
у меня жених воюет
я играю на струне
а другой жених горюет
сидя на слоне
я обоих не люблю
я тебя люблю
у тебя беда?
вот тебе еда
у тебя убило маму
моего отца стрелой
я тебе не буду мамой
но не буду злой
подойди ко мне утёнок
я схожу с ума
обними меня утёнок
вот и не зима

за лиственным древесным садом
и краешком луча-в-себе
летит вода она награда
и лето в тающей трубе

с её всепоглотившим звуком
в который скатываясь я
не отражаюсь в слове мУка
и начинаюсь с бытия

Насте Афанасьевой

что друг песок и частый сон
посередине лет
печальным небом колесо
и воздух-пистолет

летит возможность лепестка
над бытием реки
и осыпается река --
вся в воздух, вопреки

камень и лист
оглядываются и
от нежности их дорожной
поётся но

не заметиь

:

короли странствуют; подорожник
смотрит каждому вслед
в нём сплошные струны
туго рвутся и песню
ждут
а её всё нет

Бабушке

жуки на красоте кителя — усы длинные!
и песня когда родители так гуляли
что тени их на снегу были тоже длинные
и облака ночные слегка гуляли

снег вился днём вечерами стлался
у граммофона в раструбе две пчелы
и на плече у бабочки тень от вальса
непроходящей вспышкой на месте мглы

ПАМЯТИ ЦЕЛАНА

с внутренней стороны света тянется снег счастливый
строек и честных лестниц у сада -- с ними
нимбами гонги битв уголок свиданье
парусник-снег и золото немоты

тычется точкой лада в удар осинки
падающий солдатом окоп удара
в снег в синеву качающейся спасибо
лампы над государством

пламя землёй червонное дымкой лето
пасть и границей стать и воскрес сосед а
сточенный луч и истина с ним о рост и
честь твою не оканчивают беседу

камешки из-под ног огней нимбов ломают
укоренённый в окрике: счастья ради!
пели дымок угадывая свободы
свёрнутые тетради

и под ручное око своих утаек
пал вОроном утрированный свет хОра
стравливавшего нас мой Господь но так и
не угадавшего узел на разговоре

обрадуемся
от скорби
остался воздушный шарик

хвостик угла;
за дом за дом
убегала кошка

а дым сигаретный ровно размешан по всей Москве
и
и
и
в её голове
растут ослепительные древесные складни
ответных мыслей

рву с рассказыванием страха
остаётся лицо земли
как богатая черепаха
в тёплой сумеречной пыли

и рассвет огоньками машет
тех же блёсток единорог
облетающий август чаша
неприметный ещё порог

чёрствый снег
или пресный
сквозь сети линий:
в воздухе геометрия,
всё сквозь всё

?

...

недоказуем

когда в вЕрящей стае чуть
осколок отстаёт
он видит небом и плечу
привет передаёт

плечо живых мокрО на снег
не падает растёт
и камнем смотрит из травы
когда вокруг цветёт

вот дезертиры, грибники
на шляпке у гриба
осока сохнет; из руки
у солнца не труба

беззвучно падает а флаг:

*солнце моё
взгляни*

-- ветер-бЕлка о капельки теребил
-- дождь ушёл от своих-то капель
-- капли свет в угол бил
-- рвался, капал

а по лужам ушла трава --
на газон этюдник
побросав обошла Москва
свою юбку-тюбик

или волосы в хвост травЫ
на белил белила
уходящая тень живых
веток стен белила --

и глазА бойниц как больниц
свет шершавый острый
взгляд упор облаками ниц --
за небесный остров

Игорю Бобыреву

...брызги черт слёз
как созвездье ещё вслепую
щёлкающее хвостиком:
на парад
у'тра -- морщиной старых
ветвей, узлом их;

...зАмок на пОлке: ссЫпались
блётски, и
вросло-невидимое созвездье идёт работать:

...и на сложнейший каркас небес
смотрит первых трещин
слушающий ростки птенец:
буду ль жив?
смотрит как облакА на горЕ не резче
чем им костёр сложить
из прошлогодних,
брошенных, гнёзд
всех звёзд

жил человек и нОчи сле-
пок пел разное и блик
и --
локоть неба вдруг!

...легки
у человека дни
в горах пасутся облака;
отвесных рек огни;

по гнутым посохам пере-
летает воробей
и сОлнца хором на заре
слетаются к тебе:

кто
выберет лучше?

* * *

иногда не опомниться;
в старом небе
где стволы растут
на листве звенит
золотой кораблик
без оболочки

<...>

на вершине горы снег остр
на вершине снежинки и циферблата
тьень теряется
— водопад?
господи я завтра
принесу такие черновики
где царапкой туши
начинаясь облако у реки
вспоминает душу
чистой столь, что и не была
так и на столах
уличных кораблик листвы
теснится
спит в обнимку с собственной ночью лишь
улетает прячется невидимкой:
мы его нашли
мы его нашли

* * *

шапки листьев ушли на вес
розы срезанные — Олимп
стрелы согнутые небес
каждый ветер неопалим

ход зевоты счастливой луч
разветвившийся на века
и холодный мороз колюч
как у стебля ничья рука

холодай тебе небо — шаг
по разлитой по зеркалам
световой оболочке: шар
духа времени — пополам

хочешь вскакивай по трубе
отставания по делам
хочешь плачь ещё о себе
ветхий лебедь чужой Адам

поправляется в стебле сад
раздают зеркала стреле
и крыло её по лесам —
песней утренней на земле

* * *

не закрашивая —
только с солнечных этажей
вьётся, спрашивая,
кокон линий лучей стрижей

вьёт осколками
с серафимом — пределом формы, а где исток?
или сколько им
ни пропето — простой листок,

лист с просветом,
нить,
гусеница,

проспишь

белая нарния
пёс поспи
ветер в дровах, гуди;
горой
солнце встаёт
в книге всё -- герой
а у летучих спиц

солнца -- разлука ломких вод
рябь и печаль щедра
как отражённый небосвод --
новый, позавчера

как в пустых стеблях
одуванчикового венка
ходят песенки только одной тональности, а река --
в одуванчиковом пуху или тополином --
тень мальков прилипает к придонной глине,
а стрижи -- за мухами --
негатив
неба звёздного
(и как "статика и подвижность") --

так,
отпустив
эту песенку, не озвучив, и жизнь кладёт
всем нам голову на плечо:
лоб чуть-чуть горяч, и
вечер быстро чернеет; в озере -- желтизна
окон вытянулась, как свечи,
и жизнь --
одна

* * *

1

три кузнечика надо рвом
жёрнов стерегли
прилетала белая стрекоза
на комок земли

было зрение её лбом
и, ветвясь крылом
как дорОга – домом чужих друзей,
улетала ли?

<...>

2

разворачивая безумия самолётик
своего ли старая стрекоза
осыпаясь мельницами в полёте
открывает внутренние глаза

и среди сметённого в угол сора
собственного смеха и немоты
отражаясь видит себя которой
целый облик-мир передал черты

* * *

за ветер острый как звон пилы
белеют мира черты-углы
спрямляясь падая благодать
всё поправляется ветром остановиться

разбросан падая взлёт-листва
по зёрнам-падая-головам
в себя повёрнутым несвоим
она, вода, говорит: я как капля к капле

несчастной жажде собрать венок
где воздух каждый неодинок
трава привинчена к лепестку
и жук говорит: я с траурным флагом крыльев

и бумеранг утонувший сор
по росту ранен и невесом
и распускается воздух-вдох
окраинами затерянных лучей Бога

запятая читала медленно
окружающие слова
-- почему я здесь?
я жива?

а слова уходили в стороны
и уже
в абсолютно свободном воздухе
у стрижей

запятая и говорит себе:
всё
всё
всё

III

птица,
прежде чем не поймали,
думала -- солнце снесу-спасу

а оно в саду

и, кончаясь, очередной
мирный день

думает: я сплю

и ужЕ не жду
...ПАРУС!

оставляя чуть-чуть
водЫ поговорить
камень смотрит на солнце
и говорит:

-- этот пар, поднимаясь ровно,
рисует мой
верный внутренний облик:
я немой

и не видел почти ничего
кроме тебя, солнце

замыслы мышей
шуршанье карандашей
броски -- и мышей и карандашей

возьми же ластик мешок зашей

шаг
шаг
шаг --

улыбка

до уголка губ
достать
краем глаз:

всё спокойно сегодня

* * *

атмосфера,
границы слоёв нарисуй
птица
может границу пробить, оглядеться и улыбнуться

и на ветку села поёт:

солнце,
трещины на годовых кругах –
Солнце-пень,
ветвь-Земля?

город

день

ветка

я

* * *

броски жили
как свой черёд –
расскажи,
лис,
лис,
капитан Туча,
что стояло не поперёк?

по листанью рисунка (стопка
копий – такими казались дни) –
как
кукушкины слёзки, пастушья сумка
и огни вдалеке,
огни

шёл осенний лист как солдат
на войну
после августовских учений принцев;

зимний лист висел весь во льду

а весенний – как чей-то солдатский сын
и кричал, как птенец:

– воробей Генерал,
туча Гитлер ушла на домик!

пролететь
между крыльями мельниц --
у пчёл игра
а у тени воздушного змея --
печаль-волна

а с засыпанных зёрен
слетает бег --
смущена, ангельская приглядка -- как человек

...человек человеку мельница тени змея

ТРИ МУЛЬТФИЛЬМА

Полине Андрукович

1

из грозы вылупляется белый день
и на крыльях пыльца у птиц;
разговаривают цветы: белое надень
и на крыльях вода блестит
разговаривают цветы: дай посплю
а на крыльях у птиц глазА
говорят осознанно: я люблю
вылупляется ли гроза?

2

лучник встаёт с колен
бежит вбок
вертится превращаясь
в дерево
тянет ветки
и
птицы светятся
спят уткнув
клювики под крыло:

лучник промахнулся

3

из граната на светУ
границы вылетали
и кружились на лету
и — и улетаели

из семян их — городА
в городах — ковры
ласточки на проводах
плач среди игры

в окнах пульсом бьют мячи
стёкла на весу
ловят в воздухе лучи
падают в осу

и оса летит как всё,
гранями крыла
зависая над росой,
плача, как пчела

* * *

о чём бы ни была смола
она о молоке
в котором трещинка-зола
и свет на потолке

– она умела как Гомер
умытой быть, вода,
и в окончательном уме
весь сад – в её следах

* * *

когда (когда)
какого-то воздуха тени могут
(когда-то вспомнившиеся выси?
– невнятный рокот не-крыльев, крыльев
надкрылки бЕга в ветрах ко сну
основы ветра, покои ветра
покой не равен уму

а потом на небе

тАк нити тают и этим крепнут
что проседают
по ним гуляют (танцуют) веки
твои и птиц

у границ о'блака
собираясь их пересечь

как всегда --
те же

1

дружба

святая
летая

не попадая

спит

2

снежно-чистая абиссиния
облаков
рядом апельсин

изнутри пустой --
по-
стой!

не смотри

неси

коптское сердце выше метеорита
слушается команды потом горит о
промахе Бога молит и там растёт
деревом -- корни в стороны ветки к веткам

прочих проросших всадниками птиц спящих
строго опережающих свет летящий
жизнью своей несломленной как гранат
-- коптское сердце, зёрна его и -- над

новый цикл всплесков вороньих тенью
крыльев спят опадающие растенья
не возвращаясь -- лодки, не лепестки
спят в остальном закате среди руки

верной любой и любящие к геенне
слепо подходят счастье их подбирает
строго учиться стрелкам компаса будем?
а они убегают -- люди издалека

кажутся солнце и луна хором водным --
рыбьим, не лягушачьим, немым, свободным
и растрáva-цветок ест мошку а та сильней
вырвавшись спит на тигре среди камней

блейк поднимает веточку с облаками --
вдруг понимая: это большой дуб Жизнь

у о-
сени-бОли нет
картонного остова -- она то ли
не уходя вернулась, и вОлос света
вьётся-сечётся -- это
когда забыли

то ли течёт вода-Москва
под мостом --
хлоп!
и первый том

Василий Бородин родился в 1982 г. в Москве.
Стихотворения, эссе и графика публиковались в журналах
«Reflect», «Рец», «TextOnly», «Воздух», «Новый
ДРАГОМАНЪ ПЕТРОВЪ», «Другое полушарие», в
альманахе Новой Камеры Хранения, на сайтах
«Полутона», «Библиотека Трамп», «Вавион» и «Новая
Литературная Карта России». В 2008 году вышла книга
стихов «Луч. Парус» (серия «Поколение» издательств
«Арго-Риск» и «Книжное Обозрение»).